

УДК 821.112.2

ОБРАЗ ЛЕНИНА В РАССКАЗЕ С. ЦВЕЙГА «ПЛОМБИРОВАННЫЙ ВАГОН»

Л.И. СЕМЧЁНОК

(Полоцкий государственный университет)

l.siamchonak@psu.by

Проведен анализ художественной трактовки образа вождя мирового пролетариата Владимира Ульянова-Ленина в исторической миниатюре С. Цвейга «Пломбированный вагон». Отмечен повышенный интерес автора к психологическому портрету героя, обнаружению истинных мотивов его поступков, определивших ход мировой истории. Показано, как с помощью приема антитезы автор вводит в повествование мотив двойственности воспринимаемой действительности. Способность героя подняться над общепринятыми представлениями о морали обусловлена такими его личностными качествами как крайняя аккуратность в делах и целеустремленность. Именно они позволили незаметному человеку совершить поступок, считающийся изменой по всем действующим законам и представлениям.

Ключевые слова: художественный образ, В.И. Ленин, психологический портрет, мотив, поступок, мировая история, антитеза, оксюморон, сравнение.

Введение. 10 сентября 2017 г. на странице одного из новостных русскоязычных интернет-сайтов появилась публикация под названием «Саакашвили в автобусе сравнил себя с призраком коммунизма и Лениным» [1]. В ней был опубликован фрагмент интервью скандального грузинско-украинского политика М. Саакашвили. Записано это интервью было непосредственно перед тем, как господин Саакашвили и его сторонники осуществили своё намерение пересечь украинскую границу без соответствующих официально действующих документов: «Саакашвили рассказал, что после того как его в июле лишили украинского гражданства, он «скитался по Европе», объехав Польшу, Австрию, Германию, Венгрию и Швейцарию. «Как раньше призрак коммунизма бродил по Европе, так и я сейчас», – добавил бывший грузинский президент. «Плохое сравнение, но сто лет тому назад [Владимир] Ленин пересекал границу в вагоне с углем. Видите, я без вагона, это уже прогресс», – отметил он».

Не совсем ясно, о каком угле вёл речь господин Саакашвили, однако факт проезда группы эмигрантов во главе с В.И. Ульяновым-Лениным в Петроград в апреле 1917 г. по территории Германии, находящейся на тот момент в состоянии войны с Россией, действительно имел место в мировой истории и лег в основу одной из исторических миниатюр австрийского писателя Стефана Цвейга. Называлась она «Пломбированный вагон» (*Der versiegelte Zug*) и вошла в сборник его рассказов «Звездные часы человечества» (*Sternstunden der Menschheit*, 1943). Русскоязычному читателю миниатюра долгое время оставалась неизвестна, так как её публикация на русском языке состоялась лишь в 1989 г. в журнале «Нева» [2, с. 9]. В СССР подробности возвращения Ленина в Россию весной 1917 г. особо не афишировались и стали объектом пристального внимания общественности с началом «перестройки» [2–4], еще одного поворотного этапа в истории России.

Основная часть. Представление о циклическом характере развития человеческого общества возникло в глубокой древности (в учениях Гераклита, Эмпедокла, Платона), но не утратило своей привлекательности и в наши дни (Л.Н. Гумилев, А.М. Шлезингер-младший, А. Тойнби и др.). В основе теории циклического развития лежит идея определенной ритмической повторяемости событий и явлений в жизни общества на разных этапах его развития. В первой половине XX века интерес к концепции циклического развития проявляли не только философы и социологи, но и ряд представителей писательского сообщества. Трагические события европейской истории, достигшие своего апогея на полях Первой и Второй мировых войн, поставили под сомнение веру человека в существование единого процесса поступательного, восходящего развития общества. Особую популярность в литературе в этот период приобрел исторический жанр. Он предлагал читателю, дезориентированному объективным ходом событий мировой истории, художественную реконструкцию исторической действительности. И, что особенно важно, часто проблематика этих произведений была тесно связана с актуальными вопросами современности.

О своем отношении к историческому факту как к средству создания перспективы открыто заявлял один из наиболее плодовитых немецкоязычных авторов исторического романа Л. Фейхтвангер в своем трактате «О смысле и бессмыслице исторического романа» (*Vom Sinn und Unsinn des historischen Romans*, 1935): «Я решительно не в силах поверить, что серьезный романист, работающий над историческим сюжетом, видит в исторических фактах что-либо, кроме средства создать перспективу, кроме аллегории, которая помогает нам как можно правдивее передать собственное мироощущение, собственную эпоху, собственную картину мира» [6, с. 669]. Подобного рода установка на четко просматриваемые параллели с днём сегодняшним объясняет писательскую практику Л. Фейхтвангера, в основе которой – его стремление «изменять историческую истину соответственно своим целям и заданиям», «произвольно комбинировать факты прошлого» [7, с. 21]. В центре внимания оказывается лишь общий смысл события, имеющий непосредственное отношение к актуальной действительности и обнаруживающий с ней ряд параллелей.

Принципиально иную позицию в отношении исторического материала занимал С. Цвейг, максимально точно следовавший фактам при воссоздании событий исторического прошлого. Но и для Цвейга история тесным образом связана с современностью, отсюда и его знаменитое высказывание: «Кто не понимает прошлого, тот в действительности не понимает ничего»¹. Исследовать поведение выдающихся исторических личностей, поступки которых известны, а их мотивы не всегда поддаются логическому объяснению – значит, по Цвейгу, познать «дух времени». Повышенный интерес Цвейга-историка к психологии своих героев основан на его глубоком убеждении, что «каждая желающая самообновления эпоха, проецирует свой идеал в некоем образе». В одной из своих романизированных биографий «Триумф и трагедия Эразма Роттердамского» (*Triumph und Tragik des Erasmus von Rotterdam*, 1934) автор писал: «Чтобы более ошутимо представить себе свою собственную сущность», эпоха «всегда выбирает типичного для себя человека, и, высоко поднимая над собой эту подчас случайную личность, в известной мере подогревает к себе свой собственный восторг» [8, с. 67].

Укрупненное изображение поворотных моментов европейской истории служит объединяющим фактором всех миниатюр, входящих в повествовательный цикл «Звёздные часы человечества». Первое издание сборника, относящееся к 1927 г., включало в себя лишь пять историй: («Невозвратимое мгновение» (*Die Weltminute von Waterloo*), «Мариенбадская элегия» (*Die Marienbader Elegie*), «Открытие Эльдорадо» (*Die Entdeckung Eldorados*), «Смертный миг» (*Heroischer Augenblick*) и «Борьба за Южный полюс» (*Der Kampf um den Südpol*). Каждая из миниатюр, вошедшая в этот сборник, печаталась до того на страницах различных периодических изданий. Идея объединить выходившие в свет то в газете *Neue Freie Presse* («Новая свободная пресса»), то в ежегоднике *Insel-Almanach auf das Jahr 1913* («Альманах издательства Инзель на 1913 год») образцы «нового эпико-драматического жанра»² была предложена Францем Теодором Чокором в ходе его переписки со С. Цвейгом. Он же, по мнению Кнута Бека, и предложил озаглавить новый сборник ёмким именем «Звездные часы человечества» [9, S. 298].

В 1936 г. в издательстве Герберта Рейхнера вышел сборник избранных произведений С. Цвейга под названием «Калейдоскоп» (*Kaleidoskop*). Он состоял из рассказов, легенд и цикла исторических миниатюр «Звездные часы человечества», дополненного двумя новыми историями: о завоевании Византии (*Die Eroberung von Byzanz*) и воскресении Георга Фридриха Генделя (*Georg Fridrich Händels Auferstehung*). Последние упоминания «Звездных часов» в письмах С. Цвейга датируются 21 июня 1937 г.: «Рейхнер напечатает некоторые сочинения 30-х годов вместе со старыми работами, такими как воспоминания о Верхарне, на смерть Рильке, работу о Деборд-Вальмор. Ещё я написал новые "Звездные часы". У меня всегда так, я лучше работаю, когда нахожусь в подавленном состоянии»³ [9, S. 301]. Упомянутые в этом письме новые эпизоды сборника были найдены лишь в феврале 1942 г. среди имущества, оставшегося после смерти писателя в бразильском Петрополисе.

Расширенное издание «Звездных часов» впервые вышло в свет в 1943 г. в издательстве Бермана-Фишера в Стокгольме и включало в себя 12 из 14 исторических миниатюр, известных современному читателю. Точную дату создания последних рассказов установить не представляется возможным, за исключением историй о Л.Н. Толстом («Бегство к Богу» – *Die Flucht zu Gott*) и Сайрусе Филде («Первое слово из-за океана» – *Das erste Wort über den Ozean*). Можно лишь предположить, что все они («Побег в бессмертие» – *Flucht in die Unsterblichkeit*, «Гений одной ночи» – *Das Genie einer Nacht* и «Пломбированный вагон» – *Der versiegelte Zug*) были созданы в том самом 1937 г., упомянутом в письме.

Что же заставило С. Цвейга обратиться в один из наиболее сложных, эмигрантских периодов своего творчества к образу вождя мирового пролетариата? Скорее всего, тревожные новости, поступающие из Советского Союза о так называемых «московских процессах» 1936–1938 гг., об утверждении в России культа Сталина, подрывавших веру Цвейга в историческую миссию Советской страны [10, с. 495]. Заметим, что в этот период времени интерес С. Цвейга к революционной тематике не ограничивался исключительно образом В.И. Ленина. «Симпатичный дилетант», «молоденький капитан инженерных войск по имени Руже», «маленький, скромный человек» становится главным героем миниатюры «Гений одной ночи» и создает вдруг в «лунатическом состоянии под чарами некоего изменчивого духа» победоносную «Марсельезу», в которой Великая Французская буржуазная революция вдруг «обретает свой голос» и принимает её как свой гимн [11, с. 118–133]. И вот уже с песней на устах парижане громят Тюильри и свергают короля. Триумфальное шествие «Марсельезы» неудержимо, «оно подобно лавине», что сметает на своем пути даже самого автора-создателя этого гимна. Певца революции бросают в тюрьму как контрреволюционера и судят за измену родине. Революционные события подобно «вихрю» возносят дилетанта в ряды бессмертных, чтобы затем с презрением отшвырнуть «мелкого человека» к прежнему ничтожеству. «Единственное мгновение, которое всё устанавливает, всё предreshает» [11, с. 15], определяет судьбу поколений,

¹ Wer die Vergangenheit nicht versteht, versteht nichts wirklich. – Перевод с немецкого мой – Л. С.

² «Новый эпико-драматический жанр» – определение, данное Францем Теодором Чокором в одном из его писем к С. Цвейгу в декабре 1927 г.

³ Перевод наш – Л. С.

оно у Цвейга, словно лакмусовая бумажка, высвечивает человеческий характер, обнаруживает, в какой степени героическое начало, заложенная в каждом человеке способность к великим поступкам, реализовались в отдельной личности. Для разгадки тайны, истинных мотивов поступков своих героев Цвейг помещает их в самые экстремальные ситуации, в центр круговорота мировой истории.

Нейтральная Швейцария, на территории которой скрывается пока еще никому не известный Владимир Ильич Ульянов, окружена «бушующим океаном мировой войны» [11, с. 253]. В основу описания места действия разворачивающихся событий, положен приём антитезы, который создает уже в первой части миниатюры ощущение напряженности, царящей в мире: Швейцария, представленная читателю как «маленький мирный островок» на самом деле оказывается ареной, на которой разворачивается волнующий детективный роман. В экспозиции рассказа возникает мотив двойственности воспринимаемой действительности, который подготавливает читателя к возможной двусмысленной трактовке поведения героев этой истории. Так послы, год назад заходившие друг к другу в гости, составлявшие дружеские партии в бридж, превращаются вдруг во врагов, и чопорно проходят мимо, не замечая друг друга. Каждый из «как бы случайно попавших в страну туристов» «имеет своё чрезвычайное секретное поручение». «Что имеет обличье любви, – пишет Цвейг, – является предательством», за любым явным делом скрывается какое-то второе. И вот уже «маленький мирный островок» утрачивает свою безобидность и превращается в настоящий Пандемоний (*Pandaemonium*)⁴, обитатели которого и сами не понимают, кто же они: «охотники или преследуемые, шпионы или жертвы шпионажа, предатели или кем-то преданы» [11, с. 254].

Абсолютной противоположностью жизни обитателей фешенебельных отелей, полной шпионских страстей, выглядит размеренное существование маленького «незаметного» человека, что живет со своей женой у сапожника на узкой улочке в старом городе. Он не посещает дорогих гостиниц, не сидит в кафе. Всё, что о нем известно, так это то, что он русский, бежал из своей страны. Он небогат и неразговорчив. Не единожды прибегает автор к лексическим повторам (*unbeachtlich* – 2 раза, *unauffällig* – 2 раза) [12, S. 238–239], подчеркивая неприметность маленького коренастого русского для вершителей европейской истории, разъезжающих по Цюриху в «шикарных автомобилях с эмблемами иностранных государств» [11, с. 253].

Цвейг отчуждает своего героя от толпы, оказавшейся не в состоянии рассмотреть в этом крайне необщительном зильце «острый пронзительный взгляд», необычайную пунктуальность и настойчивость, с которой он двигался к поставленной цели. «Ежедневно в 9 утра он уходит в библиотеку и сидит там до закрытия. Точно в десять минут первого он уже дома, а через сорок минут он покидает дом, чтобы вновь первым быть в библиотеке» [11, с. 255]. И когда однажды утром место, ежедневно занимаемое загадочным русским, оказалось пусто это удивило служащего цюрихской библиотеки, прозорливо подметившего необычные качества своего постоянного читателя: крайнюю аккуратность в делах и целеустремленность.

Повествовательная канва миниатюры периодически прерывается авторскими комментариями обобщающего характера, указывающими читателю на те ключевые моменты, что служат раскрытию скрытых от внешнего наблюдателя особенностей психики главного персонажа: «Агенты, охотящиеся за сенсационными новостями, следят лишь за теми, кто много болтает, и поэтому понятия не имеют о том, что замкнутые, необщительные люди как раз и являются наиболее опасными носителями всевозможных революционных идей» [11, с. 255]. Неслучайно уже в следующем предложении Цвейг вскользь еще раз отмечает радикализм взглядов и суждений этого бывшего редактора маленькой газетки русских эмигрантов. Незаметный постоялец сапожника по мелкому ремонту позволяет себе «резко и пренебрежительно высказываться о самых уважаемых членах социалистических партий», критикует их методы, держит себя «недоступно и непримиримо» [11, с. 255]. Иными словами, перед нами человек, не признающий авторитетов, не поддающийся внешнему влиянию и оценкам, четко осознающий свою цель и с упорствомдвигающийся к ней. А целью этой была русская революция.

«Расчетливым мечтателем» (*dieser eisig klare und rechnerisch kalte Träumer*) называет С. Цвейг своего героя, соединяя в этом оксюмороне два центральных качества, определивших дальнейшие поступки Ульянова-Ленина [11, с. 257]. Речь идет о его фанатичной преданности идее «настоящей, радикальной», народной революции «в духе Карла Маркса» и о холодном расчете, признающем пользу основой нравственности и главным критерием при оценке человеческих поступков. «Отдать всё за дело» – вот основной лейтмотив действий и мыслей героя, вынужденного томиться в далекой Швейцарии и «отдать эту свою революцию другим, которые ослабят её, ополчат и заставят святую для него идею освобождения народа служить чужим государствам, чуждым народу интересам» [11, с. 259]. Перед нами – типичный пример несобственно-прямой речи, в которой голос автора переплетается с мыслями самого героя и постепенно уходит на второй план, оставляя читателя один на один с переживаниями и фантастическими планами «обычно холодного реалиста»: «Не арендовать ли аэроплан, чтобы на нем перелететь Германию или Австрию?». И далее: «Он должен вернуться в Россию, он, а не другие, должен делать революцию, подлинную, настоящую. Он должен вернуться в Россию. Вернуться любой ценой» [11, с. 259]. В авторе этих разработываемых авантюрных планов возвращения в Россию трудно угадать того самого неприметного человека, живущего тихо и скромно в доме сапожника. В середине повествования герой, наконец-то,

⁴ У Дж. Мильтона так названа столица, куда сатана сзывал всех демонов на совет.

обретает своё «очень трудно выговариваемое» русское имя – Владимир Ильич Ленин. Да и знают о нем в России куда больше, чем в переполненном шпионами всех мастей Цюрихе. «Владимир Ильич Ленин силен и энергичен, целеустремлен и смертельно опасен своим противникам» [11, с. 258].

Ленин стремится в Россию не из любви к Родине, не из-за тоски по русской земле. Сотни других, «сидящих в эмигрантских комнатах в Женеве, Лозанне, Берне» ликуют при мысли о возможности «возвращаться домой, в Россию» и приходят в отчаяние, в очередной раз лишившись возможности «вернуться на родину» [11, с. 257–258]. Ульянов-Ленин же стремится в «новое государство свободы, справедливости и вечного мира» [11, с. 257]. Слова «отечество» и «патриотизм» для него лишь пустой звук. «Железный идеолог» жаждет лишь «чистой революции в его духе». Мастер психологического портрета С. Цвейг фокусирует внимание читателя на весьма характерных деталях поведения вождя мирового пролетариата по возвращении на Родину: «Он не видит своих соотечественников, он не смотрит на них, нет – прежде всего он бросается к газетам. Четырнадцать лет он не был в России, не видел ни русской земли, ни российского государственного флага, ни солдатской формы. Но этот железный идеолог не раздражается слезами, как другие, не обнимает, как его спутницы, ничего не понимающих обескураженных солдат. Сначала газету, «Правду», чтобы проверить, что газета, его газета, достаточно решительно держится интернациональной ориентации» [11, с. 264].

Политика интернационального братства, проповедуемая большевиками, шла вразрез с национальными интересами России, участвовавшей в Первой мировой войне. Именно поэтому возвращение революционера Ульянова в Петроград в апреле 1917 г. через территорию Германии до сих пор будоражит умы и воображение историков, писателей, журналистов и политиков. Пикантность ситуации, в которой оказался Ленин на территории нейтральной Швейцарии, С. Цвейг формулирует по-деловому сухо и предельно просто: «Швейцария окружена четырьмя государствами – Италией, Францией, Германией и Австрией. Путь через страны Антанты закрыт Ленину как революционеру, путь через Германию или Австрию закрыт ему как русскому подданному вражеской страны» [11, с. 259].

Не возникает сомнения в том, что С. Цвейг был прекрасно осведомлен об обвинениях в адрес вождя революции в том, что он является оплачиваемым агентом немецкого правительства. Достаточно вспомнить о громкой кампании вокруг так называемых документов Сиссона, развернувшейся в американской и западноевропейской прессе в 1920-е гг. Но именно способность героя подняться над общепринятыми представлениями о морали, соотнести свой поступок с понятием сообразности и возводит его в «сонм бессмертных». «Он видит лишь цель, тогда как другие менее прямолинейные, менее волевые, не в состоянии пойти на поступок, по всем действующим законам и представлениям считающийся изменой» [11, с. 261].

И все же при всей своей «неистребимой решимости» Ленин в свой звездный час не утрачивает второго, не менее важного своего качества: необычайной аккуратности в делах. Понимая сенсационность своего шага, он предпринимает целый ряд мер, чтобы оградить себя в будущем от всякого рода обвинений и кривотолков: «переговоры ведутся с максимальной прямоотой», и Ленин не просто обращается к германскому правительству с просьбой, а «предъявляет ему условия», да и протокол составлен мастерски неопределенно, что допускает проезд без проверок не только русских, но и австрийских подданных [11, с. 262].

Любитель сравнительного метода С. Цвейг и здесь остается верен себе, проводя «удивительную», как он сам заметил, аналогию между Лениным и Гинденбургом. Оба они в течение десятков лет рассматривали, разрабатывали, обдумывали дело всей своей жизни, но один (Гинденбург) так и остался сидеть дома в цивильном костюме и переставлять флажки на географической карте, наблюдать со стороны за успехами и ошибками других, а второй (незаметный Ульянов-Ленин), «преисполненный неистребимой решимости», превращается в живой тринитротолуол, «снаряд, что разорвавшись, превращает в развалины империю, мир» [11, с. 265].

Заключение. Интерес к личности Ульянова-Ленина со стороны С. Цвейга неслучаен. Он обусловлен, с одной стороны, его стремлением к разгадке истинных мотивов поступков выдающихся исторических личностей, раз и навсегда повернувших ход мировой истории. С другой стороны, немаловажную роль сыграли личные симпатии автора в отношении страны Советов и исторические условия, в которых создавался этот рассказ. Вождь мирового пролетариата у Цвейга – это, прежде всего, сильная личность, «железный идеолог», четко видящий свою цель и упорно движущийся к ней с холодной головой и трезвым расчетом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Саакашвили в автобусе сравнил себя с призраком коммунизма и Лениным [Электронный ресурс] // Lenta.ru – Режим доступа: <https://lenta.ru/news/2017/09/10/saaka/>. – Дата доступа 12.10.2020.
2. Миримов, Л. Судьба «Звездных часов человечества» в России / Л. Миримов // Цвейг, С. Звездные часы человечества: исторические миниатюры : полный цикл / С. Цвейг ; [пер. с нем.]. – М. : АСТ : Астрель : Полиграфиздат, 2010. – С. 5–10.
3. Хальвег, В. Возвращение Ленина в Россию в 1917 году / В. Хальвег ; [пер. с нем.]. – М. : Междунар. отношения, 1990. – 244 с.

4. Николаевский, Б.И. Тайные страницы истории / Б.И. Николаевский. – М. : Изд-во гуманитарной лит-ры, 1995. – 5112 с.
5. Саттон, Э. Уолл-стрит и большевицкая революция / Э. Саттон ; [пер. с англ.]. – М. : Альманах «Русская идея», 1998. – 400 с.
6. Фейхтвангер, Л. О смысле и бессмыслице исторического романа / Л. Фейхтвангер // Собр. соч. : в 12 т. – М. : Худож. лит., 1963–1968. – Т. 12. – С. 667–674.
7. Изотов, И.Т. Ранние исторические романы Л. Фейхтвангера / И.Т. Изотов. – М.: МАКС Пресс, 2010. – 160 с.
8. Цвейг, С. Триумф и трагедия Эразма Роттердамского / С. Цвейг // Собр. соч. : в 10 т. – М. : ТЕРРА, 1997. – Т. 9. – С. 7–154.
9. Beck, K. Nachbemerkung des Herausgebers / K. Beck // Zweig, S. Sternstunden der Menschheit / S. Zweig. – Frankfurt am Main: Fischer Verlag, 2007. – S. 297–304.
10. Азадовский, К.М. Стефан Цвейг в СССР: 1920-е годы / К.М. Азадовский // Институты культуры Ленинграда на переломе от 1920-х к 1930-м годам: Материалы проекта (2011) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pushkinskiydom.ru/LinkClick.aspx?fileticket=Z3mcIp_oioс%3D&tabid=10460. – Дата доступа: 25.10.2020.
11. Цвейг, С. Звездные часы человечества: исторические миниатюры: полный цикл / С. Цвейг; пер. с нем. – М. : АСТ : Астрель : Полиграфиздат, 2010. – 318 с.
12. Zweig, S. Sternstunden der Menschheit / S. Zweig. – Frankfurt am Main : Fischer Verlag, 2007. – 304 S.

Поступила 08.11.2020

LENIN'S IMAGE IN "THE SEALED-UP CAR" BY S. ZWEIG

L. SIAMCHONAK

The analysis of art interpretation of an image of the leader of the world proletariat Vladimir Ulyanov-Lenin in a historical miniature of S. Zweig "The sealed-up car" is carried out. The keen interest of the author in a psychological portrait of the hero, detection of true motives of its acts which defined the course of world history is noted. It is shown how by means of reception of an antithesis the author enters motive of duality of the perceived reality into the narration. The ability of the hero to rise over the standard ideas of morals is caused by his such personal qualities as extreme accuracy in affairs and commitment. They allowed the imperceptible person to make an act under all current laws and representations considered as treason.

Keywords: *artistic image, Lenin, psychological portrait, motive, act, world history, antithesis, oxymoron, comparison.*